

ЗА НАШИХ ДЕТЕЙ

Накануне Дня Победы в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга «Война и Победа» — сборник репортажей, очерков, писем, опубликованных в «Комсомольской правде», о Великой Отечественной войне. С этой книгой — дарственным экземпляром редколлегии — наш корреспондент отправился к автору письма, напечатанного в газете тридцать три года назад...

ГОСПИТАЛЬ. Палата вся в солнечном свете... Мой сосед по койке, старший лейтенант, вынул из старого конверта фотографию и долго смотрит на нее. Видно, что он не рассматривает ее, а просто думает, вспоминает о чем-то хорошем. Потом он поворачивается ко мне, пристает, очевидно, собираясь начать разговор. Я протягиваю руку за фотографией.

Красивая молодая женщина. Большие, ласковые глаза.

— Жена?

— Да, это жена! Еще есть дочурка... Светланочка! Только я не видел ее. А уж полтора года дочурке...

Глаза его засветились каким-то особым, мягким светом.

— Какая она?.. Девочка... Дочурка моя.

Я лежал, испытывая теплое чувство, рожденное, должно быть, солнечным светом, весенним воздухом и только что превращенным разговором. Я смотрел на счастливое лицо своего соседа и думал: «Как это хорошо — быть отцом!»

Эта мысль для меня не нова. Впервые она пришла мне в трудные минуты, когда нас, горсточку бойцов, тесным кольцом окружили враги. Тогда вот так же светило

солнце. Только мы не любовались им. Как родной матери, ждали мы ночи, чтобы под ее покровом прорваться к своим или умереть. А ночь приближалась томительно медленно. Мучил голод, хотелось пить. Стемнело. Штыками мы перебили обившееся вокруг нас кольцо и ушли, чтобы жить и мстить. А мстить у нас было за что.

Мой друг Максим рассказывал мне о своей Оле. Он показывал мне ее письма, в которых она писала ему о том, что готовится стать матерью. И тогда в его глазах я видел такой же теплый свет, как и у моего соседа по койке. Максим погиб, он не получил письма от Оли. Оно пришло уже после его смерти. Ольга писала, что немец подходит к Орджоникидзе и она должна, на последнем месяце беременности, взяв в узелок свои вещи и вещи будущего человека, уйти из города.

«Мне не страшно за себя», — писала она, — но бесконечно больно и страшно за то дорогое и беззащитное, которое вот-вот должно появиться на свет».

Максим не знал об этом письме, но он знал, сражаясь до последнего, что дерется за жизнь своего ребенка.

В левом кармане моей гимнастерки больше года я ношу фотографию Иринки, моей невесты. Она была со мной в боях,

она придавала мне сил, когда, казалось, они иссякали. Я не знаю, где сейчас Иринка. Город, в котором она жила, был занят немцем. Теперь он свободен, но все мои письма напрасны. Ее нет. А я все надеюсь, что найду ее.

Мы заняли населенный пункт. В одной из чудом уцелевших хат старушка попросила у меня бинт.

— Зачем вам бинт, бабушка?

— Вот, — ответила она, — мать и дед насмерть убили ироды... А ребятешек покалечили... Может быть, видели — хата тут рядом погорелая? Это ее, соседки. Господи! Вспомнить страшно, что делали...

Когда перевязывали раны, мальчик повторял жалобно: «Ой, тетя, ой, тетя!» Девочка, ей было лет пять, молчала. Я посмотрел на зияющую пулевую рану на маленькой детской ручке, в глаза девочки, такие не по-детски печальные карие глаза, и почувствовал, что не сдержу слез...

В эту ночь я не мог уснуть. Мальчик все время стонал и просил пить. Я поил его из своей фляги. К утру он умер.

Я никогда не забуду этих детей. В бой нас ведет не ненависть, а любовь!

Гвардии лейтенант
Гр. ЧУХРАЙ.

4 июня 1943 г.

БЫЛ МЕСЯЦ МАЙ...

— Вспоминаете это письмо, Григорий Наумович?

— Да, конечно. ...Я написал его в Челябинске, в госпитале.

— В своем письме Вы говорите об Ирине, своей невесте. Что с ней стало?

— Мы нашли друг друга. Это моя жена.

— Как же разыскивали свою невесту?

— После того как немцы были изгнаны с Кавказа, она возвратилась в свой город. Помогло также это письмо. Она прочитала его и через «Комсомольскую правду» нашла меня.

— А почему Вы написали именно в нашу газету?

— Это был мой боевой орган, боевой орган миллионов советских солдат. Армия была молодой. А у нас в воздушно-десантных войсках в основном все были комсомольцами. Наши бригады состояли из добровольцев, которые пришли в десантные войска по особому набору ЦК ВЛКСМ.

— За войну Вы были награждены многими орденами и медалями. Какая из наград самая дорогая, памятная для Вас?

— Мои воспоминания о войне связаны не с наградами, а с боями. Награда всегда приятна, но не ради наград шли в бой и погибали люди. Самой большой наградой для меня и для всех нас был Мир. И самое высокое волнение я испытал и испытываю до сих пор в День Победы.

Правда, с одним моим орденом связана такая история. В роте, которой я командовал, была художественная самодеятельность, и я руководил ею с большим энтузиазмом. На смотре художественной самодеятельности воз-

душно-десантных войск мы заняли хорошее место. И вдруг, перед самым отлетом на боевую операцию, меня вызвали в другой город. Когда я приехал туда, мне стало ясно, что меня хотят зачислить в ансамбль красноармейской песни и пляски ВДВ. Я за-протестовал. Подошел полковник Минин (кажется, он тогда был начальником политотдела войск):

— Что Вы шумите, лейтенант?

— Не хочу оставаться в ансамбле.

— Это почему же?

— Я готовил свою роту к десантной операции. Говорил, что не все из нас вернутся назад. А сейчас они будут воевать, а я здесь песнями заниматься?

Полковник рассердился:

— По-Вашему, я чепухой занимаюсь?

— Нет. Но я — строевой командир.

— Будете артачиться — строго накажу! — пообещал полковник.

Я перестал скандалить. Дождался ночи, перелез через забор, сел в электричку и успел вернуться в свою часть. В ту же ночь нас отвезли на аэродром, откуда выбросили в тыл врага. Через несколько месяцев меня и товарищей награждало командование войск. Я получил за операцию орден Красной Звезды. А когда выходил из кабине-

та члена Военного совета генерала Громова, столкнулся в дверях с полковником Мониным. «Это Вы, лейтенант?» — спросил он строго. «Я». — «Двадцать суток ареста!».

— Григорий Наумович, а где Вас застал конец войны?

— В венгерском городе Кечкемете. И опять в госпитале. Напоследок я получил сразу восемь «дырок» и провалялся десять месяцев...

— А как все же получилось, что Вы связали свою жизнь с кинематографом?

— Дело в том, что еще до войны я решил стать кинорежиссером. И всю войну думал: если останусь жив, поступлю во ВГИК. Что я и сделал осенью сорок шестого, сразу после демобилизации.

— Ваш первый фильм был «Сорок первый». Думается, что надо было проявить немалую смелость, чтобы сразу взяться за произведение, уже экранизированное до этого таким крупным режиссером, как Я. Протазанов.

— Да какая там смелость!.. Это было естественно. Тогда во ВГИКе ходили люди в солдатских гимнастерках, френтовых. Мы учились вместе с С. Ростопкиным, В. Басовым, М. Корчагиным, Л. Кулиджановым, В. Ордынским, Я. Сегелем. Все эти люди, как и я, прошли фронт. По возрасту — мальчишки, по мировоззрению — сформировавшиеся люди. Все бывшие командиры, привыкшие принимать решения и отвечать за

них. Сказать правду, тогда я был даже более уверен в себе, в своих силах, нежели сейчас. И вообще молодости присуща некоторая самонадеянность...

— Мне кажется, и «Сорок первый», и «Чистое небо», и «Баллада о солдате» — все эти фильмы солирует одна особенность: в военных фильмах почти нет боя.

— Видите ли, в чем дело... Есть художники-баталисты, вот, скажем, Юрий Озеров. Я уважаю и высоко ценю его труд. Он умеет создавать большие полотна, такие, как «Освобождение», как «Коммунисты» — над этой лентой он работает сейчас. Он рисует крупные мазками, я же — акварелью. Меня занимают человеческие взаимоотношения, духовные движения, повороты сознания... Кроме того, думаю, что мы отражаем две стороны одной и той же войны. Воевали так, как показывает Юра Озеров. А вот жили на войне, думаю, так, как показываю я.

— Григорий Наумович, нашли ли в Ваших фильмах непосредственное отражение все, что пережито, есть ли в них герои, знакомые Вам с войны?

— Я считаю, что художник передает не то, что он пережил, а то, что он нажил. Это вещи разные, хотя и связанные между собой. Я не могу нажить чего-либо, не пережив чего-либо. Вот, кстати, читая сегодня свое давнее

письмо, я подумал, что в «Балладе о солдате» не было бы такой сцены с инвалидом, если бы не мои личные наблюдения военных лет.

— Какова роль кинематографа в воспитании молодежи?

— В молодежи нужно воспитывать чувство достоинства, чувство патриотизма. Если человек этими чувствами живет, ему не нужно подсказывать, как поступить в том или ином случае. Он уже сам находит свои решения, свою гражданскую позицию в жизни. На войне проявились лучшие качества советского человека, его воля, стойкость, безграничная вера в коммунистические идеалы. Кинозркан способен заронить в миллионы молодых душ эти высокие чувства. Разумеется, если фильм делается взволнованно, искренне и честно.

— И, наконец, Григорий Наумович, традиционный вопрос о Ваших творческих планах.

— Планов много. Но сегодня, в День Победы, я думаю о Сталинградской битве. Я был участником этой битвы и потом много думал о ней. Свой последний публицистический фильм «Память» я рассматриваю как пристрелку к большому фильму. В истории нашего народа эта битва занимает особое место, а потому требования к фильму будут чрезвычайно строги. Это меня не пугает, но ответственность велика. Если родится такой фильм, как мне представляется, я буду считать, что жизнь прожита не зря...

Беседу вел
В. ЗУБКОВ.